

А.А. Меликовский

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Выходные данные:

Меликовский А.А. Справедливость в современном теоретическом дискурсе // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов X международного молодежного форума, 27 мая 2022 г. / под ред. Е.В. Сафроновой, А.Н. Пасенова. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 469-475.

[стр. 469]

Аннотация: Статья посвящена одной из вечных проблем философии и теоретического правоведения – справедливости. Автор рассматривает ее в контексте современного теоретического дискурса: сквозь призму идеального и реального измерений, как идею и как реальность. В исследовании отмечается важность разграничения объективной и субъективной справедливости, прослеживается относительность субъективной справедливости.

Автор приходит к выводу, что справедливость в реальном измерении (как реальность) предполагает вечное стремление к справедливости в идеальном измерении (как идеи), которая, в свою очередь, создает концептуальную и методологическую основу для поиска справедливости в объективной реальности.

[стр. 470]

Ключевые слова: справедливость, идея, реальность, идеальное измерение, реальное измерение, объективная справедливость, субъективная справедливость, совесть, ценности, право.

Идеальное и реальное (идея и реальность) – два измерения в методологических ориентирах современного теоретико-правового знания. Идеальное, как справедливо указывал Р. Алекси, «предполагает притязание на моральную правильность»¹, а значит оно зиждется на общефилософской категории идеи. В свое время похожим образом писал еще Платон, прославившийся как автор учения об идеях. С его точки зрения, идея представляет собой «вечный образец для естественного существующего... суть вечный и самодовлеющий акт божественного мышления»², которые «составляют особый идеальный мир»³. Причем данный мир есть не что иное, как «вечно неизменный божественный проект изменчивого человеческого мира»⁴. Именно идея выступает

¹ Алекси Р. Дуальная природа права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289). С. 138.

² Альбин. Учебник платоновской философии (пер. Ю.А. Шичалина) // Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; авт. Примеч. А.А. Тархо-Годи. М.: Мысль, 1986. С. 447-448.

³ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/422 (дата обращения: 15.07.2021).

⁴ Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 145.

первоосновой идеального измерения. Она существует независимо от реальности, а во многих учениях даже не претендует на практическую реализацию.

Предназначение идеального измерения, в отличие от реального, в раскрытии смысла и содержания исследуемого понятия и явления. Реальное же измерение предполагает непосредственно применение содержания, его воплощение в жизнь. Другими словами, это то, что принято называть «здесь и сейчас». Но приведенные рассуждения не должны вести к представлению об их полной обособленности друг от друга: идеальное и реальное измерения взаимосвязаны на логико-семантическом уровне, что порождает их взаимодействие, в основании которого лежит целостная система общественной действительности.

В этом смысле заслуживает внимание позиция уже упоминавшегося Р. Алекси, который, как представляется, наиболее удачно в контексте дискурсивной теории раскрыл существо идеального и реального измерений. По его мнению, «проблема практического познания требует перехода от первой стадии, определенной исключительно идеалами правильности (*correctness*) и дискурса (*discourse*), ко второй стадии, где ... во-первых, гарантируется достижение решения и, во-вторых, предусматривается его осуществление»⁵. Такая интерпретация единства идеи и реальности (то есть идеального и реального измерений) строится на основе их взаимодействия, что является

⁵ Алекси Р. Указ. соч. С. 144.

принципиальным с точки зрения построения обоснованной и эффективной (на практике) концепции.

Справедливость как главную и вечную проблему философии и теоретического правоведения также необходимо рассматривать в идеальном и реальном измерениях. По словам В.И. Хайруллина, «справедливость выражает идеал всего человечества и, очевидно, поэтому проблема справедливости является притягательной во все времена»⁶. Это порождает особые высокодуховные ожидания от справедливости и соответствующее значение исследованиям в обозначенной сфере.

К сожалению, многие философы и правоведы исходят из узкого понимания справедливости и сводят ее к осуществлению функций компенсации и распределения (перераспределения) материальных благ. Думается, справедливость представляет собой нечто выше, чем простое редуцирование к меркантильным началам человеческого бытия. Категорию справедливости необходимо рассматривать в более широком смысле, а это позволяют рамки идеального измерения, для которого определение содержания, сути и основополагающих принципов и есть краеугольный камень справедливости как «идеального организма» (Н.Н. Алексеев).

Исследование справедливости в реальности предполагает ответ на три вопроса. Во-первых, как найти эту справедливость (как распознать ее; тем самым отличить от несправедливости)? Во-вторых, как применить справедливость в конкретной ситуации

⁶ Хайруллин В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 12.

(механизм ее реализации)? Наконец, в-третьих, если она не реализовалась должным образом, то необходимо определить, в чем причина нереализации и как исправить допущенную несправедливость? Кроме того, необходимо учитывать приведенную позицию Р. Алекси. По смыслу второй стадии практического познания, когда гарантируется

———— [стр. 471] —————

достижение решения и предусматривается его осуществление, на мой взгляд, реальное измерение можно дифференцировать на должное (нормативное) и сущее (ситуативное). В первом случае следует учитывать весь комплекс позитивно-правовых предписаний (в частности, норм-принципов), предусматривающих юридические гарантии, в нашем случае, справедливости как таковой, в то время как второй случай полностью зависит от первого, но методологически здесь необходимо руководствоваться конкретными правоприменительными актами, в рамках которых реализуются данные гарантии.

Следует сразу же отметить, что дифференциация измерений на идеальную и реальную применительно к справедливости имеет концептуальное значение. С одной стороны, с позиций идеального измерения, справедливость выступает ярким примером философской (в том числе и религиозной) категории. А с другой, с позиций реального измерения, выступает, скорее, сумеречным примером политической категории, который, несомненно, взаимосвязан с философской природой справедливости,

определяющей семантические целеполагания для справедливости как политической категории.

Не менее важной посылкой для дальнейших умозаключений является разделение справедливости на объективную и субъективную. По моему мнению, объективная справедливость относится к идеальному измерению справедливости, в то время как субъективная к реальному. При этом объективная справедливость недостижима для человека, но этот факт не умаляет ее наличие. Своего рода объективную оценку деяния или явления может дать только сверхразум (в некоторой степени в традициях так называемой «эзэзософии», учении о сверхразуме), Абсолют (в классической философской мысли). С позиций теологических концепций такую оценку может дать только Всевышний (во всех авраамических религиях – в день Страшного Суда). Однако человек как венец Божьего творения также награжден своеобразным «чутьем», «детектором ошибок» (С.В. Медведев), «нравственной интуицией» (В.В. Сорокин), индикатором справедливости. Этим индикатором выступает совесть. Интересно замечает В.В. Сорокин: «мы не обнаружим ни на теле человека, ни внутри его организма специализированных органических структур, предназначенных для осуществления совестного акта»⁷. В данном контексте даже ставить вопрос об эмпирических доказательствах существования совести представляется не просто безрезультативным, но и нецелесообразным. Убедительно мнение

⁷ Сорокин В.В. *Общее учение о духе права: монография*. М.: Проспект, 2021. С. 277.

В.П. Малахова, который считает, что «можно подводить любые основания под наличие совести, но рано или поздно мы приходим к выводу, что она просто присуща человеку»⁸. Любопытно, что совесть – позитивно-правовое понятие (что во многом догматически обуславливает нецелесообразность постановки вопроса о существовании совести), фигурирующее в ряде законодательных актов преимущественно процессуального профиля. Именно совесть, с точки зрения практической теологии, такая категория, которая в большей мере «унаследована» от Бога в силу того, что человек создан «по образу и подобию» Божию (Быт. 1:26). Исходя из этого, человек награжден свыше возможностью «чувствовать» справедливость и несправедливость. Здесь проявляется системные связи между справедливостью объективной и справедливостью субъективной. Но в то же время любая оценка человека не может претендовать на объективность, так как ни один человек не может представлять собой сверхразум, не может быть «сверхчеловеком» (в понимании Ф. Ницше). Особенность любой личности в том, что она смотрит на все происходящее вокруг сквозь приемлемую для него призму, сквозь призму его ценностей. Еще Дж. Локк отмечал, что «люди обыкновенно относят свои идеи к идеям других людей, к реальному существованию и к предполагаемым реальным

⁸ Малахов В.П. Концепция философии права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 79.

сущностям»⁹. Другими словами, человек постоянно находится в поиске своих единомышленников, близких ему по ценностям, которые составляют основу человеческого мировоззрения. Человек, давая свою собственную оценку чему-либо, руководствуется своими ценностными ориентирами, потому и его оценка не является объективной. Она субъективна в силу природы человека, в то время как объективная справедливость исходит свыше, независимо от воли человека.

[стр. 472]

Одним из наиболее показательных примеров сложности проблемы справедливости и относительности субъективной справедливости является разрушение 11 сентября 2001 года Башен-близнецов в Нью-Йорке. Нельзя не согласиться с И.Л. Честновым в том, что «такое знаковое событие... одними воспринималось как тяжелейшая трагедия, а другими (жителями европейских государств, получающими социальные пособия [причем ученый выделяет лишь этот пласт населения, хотя подобную «радость» испытывали не только они. – прим. А.М.] – как торжество справедливости»¹⁰. Приведенная ситуация и общественная реакция на нее позволяют констатировать, что субъективная справедливость (не объективная!) в одном обществе может совпадать

⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3-х т.: Т. I / Ред.: И.С. Нарский, А.Л. Суботин; Ред. I т., авт. вступит. Статьи и примеч. И.С. Нарский; Пер. с англ. А.Н. Савина. М.: Мысль, 1985. С. 439.

¹⁰ Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 37.

с субъективной несправедливостью в другом. Аналогичных примеров немало во всемирной общегражданской истории в целом и в истории правовой и политической мысли в особенности. Между тем еще Аристотель утверждал, что «все опираются на некую справедливость, ... и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности», философу кажется, что «справедливость ... есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных»¹¹. Возникает риторический вопрос, а как такую ситуацию может оправдать человеческая совесть? Вся риторика заключается в том, что совесть, по существу, не оправдывает ничего. По мнению В.В. Сорокина, «совесть побуждает постоянно стремиться к правомерным вариантам поведения и всеми силами избегать зла», но вместе с тем, «совесть не мешает нам совершать зло, она мешает нам наслаждаться им»¹².

Справедливо все то, что соответствует ценностям конкретного индивида. Ценность тоже категория во многом субъективная. Но есть такие ценности, которые общепризнаны, общепризнаны в разумном человеческом обществе. В контексте событий 11 сентября 2001 года нужно сказать, что те общества и отдельные люди, которые твердили, что восторжествовала справедливость –

¹¹ *Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 459.*

¹² *Сорокин В.В. Указ. соч. С. 280.*

как минимум общинных убеждений, не признающих индивидуализма как такового, ценности человека в целом, его жизни, прав и свобод в частности; а те, кто понимали и принимали, что жизнь человека священна, что собственность священна, соответственно, придерживались крайне противоположной позиции. Поэтому в реальном измерении справедливость необходимо рассматривать в связях с доминирующими ценностями личности, общества и государства с учетом темпоральных (конкретно-исторический период) и пространственных (конкретно-историческая местность) факторов.

Причем необходимо разграничивать субъективные ценности (их воплощения) и их идеальную (во многом интерсубъективную) суть в парадигме идеального и реального измерений. Отечественный философ права Н.Н. Алексеев в этой связи утверждал, что «в реальном обществе, воплотившем в себе ценности, мы имеем дело уже не с их чистым идеальным смыслом, но с его реализацией, – имеем дело, другими словами, с благами»¹³.

Вместе с тем любое государство, провозгласив человека высшей ценностью, признает его индивидуализм, соответственно, ценным и справедливым в данном государстве является соблюдение (ненарушение) фундаментальных прав человека, его жизни, здоровья и иных естественных прав. Поэтому с точки зрения современной российской реальности (с позиций формальных

¹³ Алексеев Н.Н. Основы философии права [Текст] / Н. Н. Алексеев ; [вступ. ст. А. П. Альбова и др.]. СПб.: Юридический ин-т, 1998. С. 116.

ценностей) эти события являются безусловной трагедией и не имеют ничего общего со справедливостью.

Отсюда следует еще одна проблема в рамках реального измерения справедливости – определения критериев справедливости как правовой категории. Особенность любого правового феномена заключается в том, что «он по сути своей относителен, – писал Ж.-Л. Бержель, – его внутренняя идея и его внешние проявления варьируются в зависимости от времени и пространства и обусловлены конкретными правовыми системами, то есть зависят от своего окружения»¹⁴.

Одним из самых известных и даже первым среди равных является «формула» Г. Радбруха. Она, безусловно, корректна, но также и абстрактна; ее главный недостаток

———— [**стр. 473**] —————

заключается в том, что в ней не решается один из основных вопросов справедливости в реальном измерении – вопрос механизма распознавания и применения справедливости в рамках права. Ведь Г. Радбрух критериально не определил так называемый переломный момент, когда закон превращается в «неправо», момент «вопиющей несовместимости» закона со справедливостью, «когда закон как “несправедливое право” отрицает справедливость»¹⁵. Его мысль была развита Р. Алекси, который предложил считать под

¹⁴ *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / Жан-Луи Бержель; Под общ. ред. В.И. Даниленко. М. : Nota Bene, 2000. С. 33.

¹⁵ *Радбрух Г.* Философия права / Густав Радбрух; Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М. : Междунар. отношения, 2004. С. 234.

этим переломным моментом (в терминологии Р. Алекси – «порогом» несправедливости) основные права человека, например, право на жизнь и личную неприкосновенность¹⁶.

С одной стороны, для Г. Радбруха в целом право – это воля, стремящаяся к справедливости. Но с другой, относя справедливость к цели права, в своих довоенных трудах он утверждал, что справедливость «умирает с той минуты, как она дала жизнь праву, и право продолжает жить, как бы оно ни было непохоже на своего создателя ... право ..., наоборот... идет своим собственным путем и само делается целью, самоцелью»¹⁷. Тем временем для него справедливость заключается в том, «чтобы судить без оглядки на авторитет и ко всем подходить с одинаковой меркой»¹⁸. Иными словами, выступая сторонником формальной справедливости, Г. Радбрух сводит ее к формальному равенству (и раскрывает ее через него). Во многом это его сближает с отечественным мыслителем В.С. Нерсесянцем, который определял право как триединство свободы, равенства и справедливости, и одно определял через другое. Тем самым, можно сказать, что он размещал их в одном ряду и ставил между ними знак равенства.

¹⁶ Алекси Р. Указ. соч. С. 80; См. об этом: Луковская Д.И. Действительность права в современном теоретическом дискурсе // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2009. № 2. С. 21-26.

¹⁷ Радбрух Г. Введение в науку права / Густав Радбрух, проф. Гейдельберг. ун-та; Разреш. авт. пер. со 2 перераб. изд. М.М. Островской и И.З. Штейнберга; Со вступ. ст. ["Методологическая природа науки о праве"] Б. Кистяковского. Москва : Труд, 1915. С. 130.

¹⁸ Радбрух Г. Философия права. С. 226.

При этом нерсесянцевская трактовка равенства, свободы и справедливости как правовых формальностей, «формально-содержательных компонентов, свойств и характеристик права и правовой формы»¹⁹, бесспорно, заслуживает внимания. Однако, представляется, нельзя ставить справедливость в один ряд с равенством и свободой. Их взаимосвязанность никто не отрицает, но справедливость – это такая субстанция, которая охватывает и равенство, и свободу. Справедливость – это содержательный аспект всего права. Следовательно, свобода и равенство могут выражать лишь отдельные (маленькие, но значимые) аспекты справедливости, но не наоборот.

Близка к выраженному выше моему мнению и позиция В.С. Соловьева. Он считал, что равенство и справедливость хотя и сродные понятия, но далеко не тождественные между собой. В качестве подтверждения своей позиции он приводит следующий пример. «Когда фараон египетский издал закон, повелевающий умерщвлять всех еврейских новорожденных, то несправедливость этого закона, конечно, состояла не в одном только неравенстве отношения к еврейским и египетским младенцам; и если бы фараон повелел затем умерщвлять не одних еврейских, но всех новорожденных вообще, то хотя этот новый закон удовлетворял бы требованию равенства, однако никто не решился бы назвать его справедливым. Справедливость не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного... справедливый отец не тот,

¹⁹ Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2008. С. 195.

конечно, который одинаково равнодушен ко всем своим детям, а тот, который показывает им всем одинаковую любовь... Есть, значит, равенство несправедливое и равенство справедливое, и право определяется последним, т.е. окончательно – справедливостью»²⁰. Другими словами, философ считал, что равенство шире справедливости, с чем невозможно не согласиться, хотя бы учитывая, что равенство подразделяется на формальное и материальное («уравниловка»). Однако в приведенном примере речь идет только о формальном равенстве (точнее – формальном неравенстве, что также с точки зрения академика В.С. Нерсисянца являлось правом). И чтобы отличить одно формальное равенство, правильное, от другого, неправильного, философ руководствовался справедливостью.

Полагаю, что в теории В.С. Нерсисянца и в качестве конкретизации к примеру В.С. Соловьева не хватает еще одного критерия. Это гуманизм. Именно он является отличительной чертой человечества как биологического вида и выступает его основополагающим и системообразующим фактором в социальной жизни. Гуманизм,

———— [стр. 474] —————

следующее из него взаимоуважение, а значит и взаимное признание (как следствие переплетения гуманизма и формального равенства) также являются аспектами справедливости, и в совокупности

²⁰ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 526.

с другими аспектами составляют ее функционально организованный порядок (в понимании Н.Н. Алексеева, который считал, что в него входят «элементы чисто фактического характера»²¹). Однако здесь необходимо учитывать, что гуманизм нужно рассматривать как релятивную категорию, которая обуславливается общим или специальным социальным статусом (причем общим – в случае нахождения данного субъекта в общих правовых отношениях (например, когда одно лицо не должно нарушать права на жизнь иных лиц), а специальным – в случае нахождения данного субъекта в конкретных правовых отношениях (например, в семейных). Разве может гуманный (применительно к своим детям) отец «быть одинаково равнодушен ко всем своим детям»? Или же негуманный (применительно к своим детям) отец «показывать им всем одинаковую любовь»? Думается, что нет.

Таким образом, справедливость в идеальном и реальном измерениях тесно взаимосвязаны и во многом взаимодополняют друг друга. Справедливость в идеальном измерении – это полномасштабное воплощение идеи справедливости, собственно идея справедливости и объективная справедливость, которая является недостижимой, но существующей, интенциональной категорией. Неслучайно в свое время еще Д. Дидро говорил, что «существует только одна добродетель – справедливость, одна обязанность – стать счастливым, один вывод –

²¹ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 117.

не преувеличивать ценности жизни и не бояться смерти»²². Справедливость как главная (даже единственная) добродетель предполагает вечное стремление к справедливости в идеальном измерении, которая, в свою очередь, создает концептуальную и методологическую основу для поиска справедливости в реальном измерении.

[Далее приводится список использованной литературы. См. сноски]

²² *Дидро Д.* Элементы физиологии // Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / Пер. с франц.; Сост., ред., вступит. Статья и примеч. В.Н. Кузнецова. М.: Мысль, 1986. С. 533.